

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Н. БОЛДЫРЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Одной из характерных особенностей культурной жизни общества в условиях феодального способа производства является значительное расхождение между письменным литературным языком, с одной стороны, и разговорной практикой (диалектом — в прямом смысле этого слова) — с другой. В качестве классического примера такого расхождения обычно приводится латинский письменный язык в средневековой Европе, арабский письменный язык в многоязычном халифате или старославянский письменный язык у восточных и южных славян¹.

В этот ряд следует поставить также санскрит в Индии, «вэньянь» в Китае, Корее и Японии и литературный язык «парси» («новоперсидский») — письменный язык многих неперсоязычных народностей в период с IX по XX в.н.э. Число таких примеров может быть, очевидно, умножено. Во всех перечисленных случаях различие между письменным языком и многочисленными разговорными устными диалектами было полным, т. е. письменный язык был совершенно непонятен необразованным носителям этих диалектов. Степень непонятности не уменьшалась от того, что некоторые из перечисленных письменных языков были в отношении диалектов не совершенно «чужими», а родственными, генетически близкими, «своими». Так, например, несмотря на генетическую близость, санскрит остается непонятным носителям новоиндийских языков, классический арабский литературный язык — носителям современных арабских диалектов, армянский язык «грабар» — носителям армянских диалектов, «вэньянь» — носителям китайских диалектов и т. д. в той же мере, как непонятен был письменный арабский язык неарабоязычным народам халифата, как «вэньянь» — корейцам и японцам, латынь — германцам и т. д.

Другими словами, письменный язык феодального общества в известный период, как правило, носил наддиалектный характер в том смысле, что он не обладал по отношению к носителям диалектов основным социальным свойством языка — коммуникативностью, в противоположность письменному языку нации в капиталистическом обществе.

Легко заметить, что в целом ряде случаев наддиалектность — расхождение письменного языка с разговорным наблюдалась в истории того или иного народа не только в феодальную эпоху, но и ранее, в условиях рабовладельческих отношений; это можно сказать, например, о санскрите, «вэньяне», латыни, греческом языке в Византии и т. п. Мертвым, только

¹ См., например, В. М. И р м у н с к и й, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936, стр. 29.

письменным языком являлся — во всяком случае уже к концу V — началу IV в. до н. э., и древнеперсидский язык в надписях последних ахеменидских царей¹.

Но в ряде случаев письменный язык феодального общества не был унаследован от предыдущей эпохи, а появлялся внезапно, в силу особых исторических причин. Здесь прежде всего отчетливо выделяются те случаи, когда письменным языком становился язык завоевателей. Только завоеваниям обязаны своим становлением в качестве письменных языков такие языки, как арабский для целого ряда разноразличных народов (VII—VIII вв. н. э.), французский (англо-нормандский) в Англии (XI в.), турецкий в Малой Азии (XIII в.), персидский в северной Индии (XVI в.). Во всех этих случаях становление нового письменного языка сопровождалось насильственным вытеснением, ликвидацией старых, ранее существовавших письменных языков, обслуживавших покоренные народы. Так, безвозвратно погиб ряд среднеиранских языков (в том числе среднеперсидский с его богатой прозаической и поэтической литературой), древнеанглийский, греческий в Малой Азии и т. п.

Однако наряду с завоеваниями, становление новых и ликвидация старых письменных языков определяется и внутренними причинами общественно-политического характера, в конечном счете восходящими к вызреванию, расцвету и гибели сперва феодальной формации, а затем капиталистической. Известно, например, что распространение в средневековой Европе латыни было обусловлено исторической ролью церкви как сильнейшего орудия феодализации. Та же движущая сила — распространение христианства в процессе феодализации, привела в IX в. к установлению старославянского языка как письменного языка у восточных и южных славян². В ряде случаев наблюдалось также насильственное устранение местной культурной и литературной традиции. Так, например, в результате развития феодализма и распространения христианства была искоренена «древняя народная литературная традиция» в скандинавских странах³.

К искоренению «древних литературных традиций» в Иране и Средней Азии привело и господство арабского языка, который, подобно латыни, был также языком воинствующего ислама. Как было указано, непосредственной причиной установления арабского языка в качестве литературного письменного и вместе с тем священного языка церкви явилось завоевание, практически закончившееся к началу VIII в. Однако крайне интенсивное и глубокое проникновение арабского языка во все области культурной жизни многих народов и дальнейшее его господство на протяжении длительного времени уже не может быть объяснено лишь фактом завоевания. Как установлено советской исторической наукой, следующий за завоеванием период (VIII в. — первая половина IX в.) явился периодом роста и дальнейшего развития феодальных отношений в странах халифата⁴. Можно думать, что стойкость арабоязычной письменной традиции в странах халифата после завоевания находит себе объяснение в том, что ислам

¹ См. R. G. Kent, *Old Persian*, New Haven, 1950, стр. 99.

² См.: «История средних веков», т. 1, [М.], 1952, стр. 236; Ф. Я. Полянский, *Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма*, [М.], 1954, стр. 163 и сл.

³ См. М. И. Стеблин-Каменский, *История скандинавских языков*, М.—Л., 1953, стр. 47. Интересное исключение составляет Исландия, не пришедшая к развитию феодального государства (см. там же, стр. 32).

⁴ См.: А. Ю. Якубовский, *Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)*, «Краткие сообщения... Ин-та истории материальной культуры [АН СССР]», вып. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 35; М. С. Иванов, *Очерк истории Ирана*, [М.], 1952, стр. 36; Ф. Я. Полянский, указ. соч., стр. 129.

и арабский язык участвовали в процессе феодализации этих стран совершенно так, как христианство со своими церковными языками в Европе.

Однако господство языков церкви, таких, как латынь, арабский, старославянский, наблюдается только в период становления феодальных отношений. Победа феодализирующих сил, торжество феодального режима вносят дальнейшие существенные изменения в положение письменных языков как на Востоке, так и на Западе. Как известно, эпоха расцвета феодализма в Западной Европе в XI—XIII вв. знаменуется возникновением богатой литературы (рыцарской поэзии и прозы, житий и т. п.) на местных языках, вначале на провансальском, французском, итальянском, затем на немецком¹, английском и скандинавских языках². Эти новописьменные языки первое время сосуществуют с латынью³, постепенно вытесняя ее в дальнейшем из политически более важных областей культурной жизни. На Востоке завершение процесса феодализации также находит свое выражение в возникновении новых литературных языков, вытесняющих старые. Характерным примером является история возникновения так называемого «новоперсидского» литературного языка в Иране и Средней Азии. Из всех сообщений источников о возникновении литературы на «новоперсидском» языке исторически наиболее верным представляется рассказ «Тарихи Систан» (часть, написанная около 1070 г.), приурочивающий создание первых образцов письменной литературы на «новоперсидском» языке к торжеству антиарабского народного движения под руководством местной землевладельческой знати во главе с Якубом Саффари (воцарение Якуба в Герате в 867 г.)⁴. Рассказ «Тарихи Систан», подтверждаемый другими источниками, хорошо показывает, что становление местного диалекта — диалекта основного населения Хорасана — в качестве языка письменности, прежде всего языка придворной поэзии (участка идеологии, политически наиболее актуального для торжествующей верхушки общества), носило характер революционного свержения господства арабского языка с последующим длительным систематическим вытеснением его из других областей письменности. Не менее сложная и упорная борьба велась за вытеснение арабского и персидского письменных языков в государстве турок — завоевателей Малой Азии. После победы сельджукской группы племен над данишмендами и крестоносцами в молодом сельджукском государстве развилась значительная литература на арабском и главным образом на персидском языках, понятных лишь крайне ограниченному кругу внутри господствующей верхушки. Переход власти к другой огузской племенной группировке (захват Кони в 1271 г. под предводительством Караман-оглу) ознаменовался энергичными мероприятиями против господства чужих языков: Караман-оглу запретил пользоваться в официальной переписке каким бы то ни было языком, кроме турецкого, запрет был подкреплён избиением писцов — носителей старой традиции⁵.

Языковую политику Караман-оглу следует рассматривать как отражение глубоких качественных изменений внутри огузской племенной знати — далеко зашедшего процесса ее феодализации на покоренных землях, где, как известно, до прихода турецких завоевателей уже господствовали развитые феодальные отношения. В результате этих изменений новые

¹ См. В. М. Жирмунский, указ. соч., стр. 30 и сл.

² См. М. И. Стеблин-Каменский, указ. соч., стр. 47.

³ Для английского также и с французским (англо-нормандским).

⁴ Подробнее см. А. Н. Болдырев, Из истории развития персидского литературного языка, ВЯ, 1955, № 5.

⁵ Соответствующие факты см. в статье: Z. F. Köprülü, Litteratur, «Enzyklopaedie des Islam», Bd. IV, Leiden—Leipzig, 1934, стр. 1011—1033.

феодалы утверждали господство своего родного диалекта в письменности, а позже — и в области художественной литературы.

История средневековой Индии еще не настолько разработана, чтобы мы могли уверенно приурочить отдельные явления надстроечного порядка к тем или иным фазам развития общественно-экономических отношений индийского общества. Однако некоторые имеющиеся в нашем распоряжении факты позволяют думать, что появление новых литературных языков в Индии определялось теми же процессами, что и в других странах. Так, например, интенсивное распространение санскрита в качестве литературного племенного языка в могущественном государстве Гупта (IV—VIII вв. н. э.), сочетавшееся с глубокими изменениями в области религиозной жизни¹, наводит на мысль о феодализирующем характере движущих сил развития гуптского общества. Соответственным образом последующее появление в XI — XII вв. нового литературного языка, так называемого «старого хинди» в раджпутских государствах и, возможно, «старого бенгали» в Бенгалии², следует расценивать как признак того высокого уровня феодализации, когда знать, осуществляя свое господство и в области идеологии, возводит свой родной диалект в достоинство письменного и литературного языка.

Дальнейшая судьба этих новых письменных языков всецело зависит от судеб тех политических и общественных сил, которые их выдвинули. Новый письменный язык либо через более или менее короткое время совершенно исчезает, либо распространяется далеко за пределы своего дописьменного бытования, начиная обслуживать ряд других диалектов — конечно, в принудительном для них порядке, опять-таки приобретая тем самым наддиалектный характер. Типичным примером первого случая являются быстро угасшие попытки применения в качестве литературного языка («литератизации») некоторых табаристанских диалектов в буддском Иране в конце X — начале XI в. Примеры победоносного распространения письменных языков, возникших на основе отдельных живых диалектов, — многочисленны. Так, после длительных колебаний и сосуществования нескольких новых письменных языков, возникших в XIV—XV вв. в Германии на основе отдельных диалектов, «в связи с передвижением центра экономической и политической жизни Германии на восток, постепенно особое значение приобрел литературный вариант, связанный с восточно-средними диалектами»³. История средневековой английской письменности знает два случая победы диалекта как основы письменных литературных языков — уэссекского в древнеанглийский период и лондонского в среднеанглийский. «В связи с политической обстановкой подавляющее большинство древнеанглийских рукописей X и последующих веков было записано на диалекте Уэссека — области, стоявшей в культурном и политическом отношении на первом месте». «Лишь в XV в. языковая норма Лондона начинает считаться образцовой»⁴. Характерную картину в этом отношении являет

¹ См. Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954, стр. 90—91.

² См. Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, указ. соч., стр. 118 и 142. Иными причинами было вызвано создание письменной литературы на «местных» языках пали, гандхарском и др. в первом тысячелетии до н. э. (см. В. С. Воробьев-Десятковский, О раннем периоде формирования языков народностей северной Индии, «Вестник ЛГУ», 1954, № 12, стр. 154).

³ М. М. Гухман, О соотношении немецкого литературного языка и диалектов, «Открытое расширенное заседание Ученого совета Ин-та языкознания. Тезисы докладов и выступлений», М., 1955, стр. 21. Ср. ее же, О соотношении немецкого литературного языка и диалектов, ВЯ, 1956, № 1.

⁴ К. Бруннер, История английского языка, т. I, М., 1955, стр. 80, 84.

также история скандинавских языков. В основу нового датского литературного языка (XIV в.) легли Zealandские говоры, «поскольку в Зеландии в эту эпоху находился политический и культурный центр датского феодального государства»¹, а эстётская диалектная основа древнешведской письменной традиции объясняется только тем, что «Эстерётланд был вообще в ту эпоху наиболее важной в политическом и экономическом отношении областью Швеции»²; в дальнейшем датский язык завоевал и всю Норвегию, поскольку «с конца XIV в. она попала в экономическую и политическую зависимость от Дании» и т. д.³

Тожественная картина наблюдается и в отношении некоторых восточных языков, история которых, к сожалению, изучена в значительно меньшей степени. Однако мы имеем основание утверждать, что такова была история распространения «новоперсидского» литературного языка; политико-экономические причины привели и к тому, что один из североарабских диалектов, обретя письменность, сделался классическим литературным языком для всех разнодиалектных арабов и т. д.

Таким образом, расхождение между письменным языком и «подвластными» ему диалектами в значительной мере определяются тем, что новый письменный язык — это первоначально не смесь разных диалектов («койне»), а один победивший диалект, естественным образом отличный от других, ему подчинившихся. Однако, кроме разнодиалектности, расхождение определяется и другим, весьма существенным фактором: диалект, ставший письменным языком, в дальнейшем развивается иначе, другими путями, чем диалект, не закрепленный в письме.

Первой особенностью диалекта, ставшего основой для письменного литературного языка, является значительная замедленность, так сказать, заторможенность его развития: «Часто письменный язык закреплен, — пишет по этому поводу А. Мейе, — его формы от столетия к столетию почти не изменяются»⁴. Причина этого явления заключается, повидимому, в том, что та политическая и общественная сила, которая поставила свой диалект в качестве письменного литературного языка, в дальнейшем естественным образом проявляет заботу о сохранении его привилегированного положения. Письменный язык искусственно охраняется от влияния «простых» диалектов — отсюда понятия «чистоты» литературного языка, его неприкосновенности и т. п. В результате развитие письменного языка замедляется не только абсолютно, но и относительно, так как окружающие его диалекты продолжают развиваться.

Однако никакое ограждение не может полностью предохранить письменные языки от воздействия живых диалектов. Именно по этой причине, по мнению А. Е. Крымского, «литературная (мертвая) речь, например, современных нам арабов очень не похожа на речь коранскую (как ее ни ставял за образец себе), ни даже на речь классическо-халифатскую; приблизительно настолько не похож был письменный церковнославянский язык у русских книжников эпохи Алексея Михайловича на подлинную старославянскую речь времен Кирилла и Мефодия, как латынь средневековья — на римскую»⁵. Таким образом, другой особенностью развития

¹ М. И. Стеблин-Каменский, указ. соч., стр. 44—45.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 45, 50—51.

⁴ А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 15. Характерный пример наблюдаем в истории новоиндийских языков, где «... почти все литературные формы местных языков, проникавшие в средние века в общендийское употребление, очень быстро превращались в мертвые языки» (В. С. Воробьев-Десятовский, указ. соч., стр. 155).

⁵ А. Крымский, История арабов и арабской литературы, ч. I, М.,

письменного языка является медленное и неравномерное воздействие на него со стороны живых диалектов.

В этой связи необходимо отметить, что наши суждения о языках, доступных нам сейчас только в их письменной форме, суть лишь суждения об отдельных, искусственно закрепленных, «заторможенных» диалектах. Вполне понятно, что закреплению, торможению подвергались только отдельные диалекты, а остальные («диалекты-сверстники») продолжали развиваться, жить и умирать за пределами закрепленной зоны, т. е. в значительной мере за пределами наших познавательных возможностей. Соответственным образом, наблюдаемые нами изменения в таких языках являются по существу не столько изменениями всего языка (т. е. всей суммы составляющих его диалектов), сколько изменениями лишь небольшой, закрепленной в письменности его части в пределах сравнительно узких возможностей развития и смены письменных форм языка, смены, как мы видели выше, всегда обусловленной потрясениями общественно-политического характера¹.

Третьей и, пожалуй, наиболее своеобразной особенностью является развитие письменного языка в направлении создания «риторического стиля». Стремление правящих феодальных слоев общества к утверждению своего абсолютного и безусловного превосходства решительно во всех областях социальной, культурной, в том числе и литературной жизни, ставило перед литературой задачу изображения только «исключительного», «возвышенного», «благородного», в возможно более «возвышенной», отличной от обидного, «простого», «вульгарного», форме. Возникла эстетическая концепция, видевшая свое совершенство в настолько большом сознательном удалении от жизненной правды, от реальной действительности, насколько реалистическое понимание видит свое совершенство в приближении к ней.

«Поэзия есть искусство, — говорит идеолог придворной литературы XII в. самаркандец Низами Арузи, — при помощи которого поэт... малое превращает в великое, а великое в малое. Положительное он облекает в безобразные одежды, а безобразное преподносит в красивой оболочке»².

«Если соединить медь лжи с золотом стиха, — писал в начале XIII в. другой теоретик литературы (также самаркандский таджик) Ауфи, — и расплавить их в горне духа мудрецов, то медь сольется с золотом и прелесть стиха победит мерзость лжи»³. Таковы идеологические корни средневековой риторики. Свое формальное выражение она соответственным образом находит в усложнении языковых средств, главным образом в области лексики и синтаксиса. Возникает особый «поэтический словарь» (он применяется и в прозе) и особый «поэтический синтаксис» (морфология затрагивается меньше) — явления, хорошо известные всем, соприкасавшимся с классическими текстами. Развитие «риторического стиля» протекает обычно очень медленно. Так, например, в средневековой поэзии таджиков и персов эволюция от «классического примитива» Рудаки (875—942 гг.) до утверждения риторики в произведениях поэтов «сельджукской школы» заняла промежуток в 150—200 лет.

1912, стр. 28. По мнению А. Е. Крымского, влияние диалектов сказывается прежде всего в области лексики и синтаксиса.

¹ В этом существенном уточнении нужно было бы прежде всего мнение А. Мейе о развитии индоевропейских языков, как о «внезапных потрясениях, следовавших за подготовительными периодами» (А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, стр. 44).

² Nizāmī-i-Arūḍī, Chahār maqāla, ed. Mirzā Muhammad of Qazwīn, Leyden, 1910 (GMS, XI), гл. II, вступление.

³ Muhammad 'Awfi, Lubābu'l — albāb (first part), ed. G. Browne, London, 1906, стр. 11.

Исследование особенностей риторического стиля на материале конкретных восточных языков представило бы значительный интерес как с точки зрения общего языкознания, так и с точки зрения литературоведения.

Изложенное выше позволяет прийти к тому выводу, что становление, развитие и смена письменных языков в феодальном обществе управляются определенными собственными закономерностями, которые в конечном счете отражают решающие изменения в явлениях надстроечного порядка, в свою очередь определяемые общими закономерностями развития классового общества.

Изучение этих закономерностей в конкретных условиях того или иного языка несомненно может составить предмет самостоятельных занятий¹.

¹ Если существование такой дисциплины целесообразно и разумно, то она может претендовать и на собственное наименование, например, — «литералогия», от латинского *litera* — буква, письмо, письменность.